

## ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 332.21

DOI 10.17223/19988613/45/1

Я.С. Гузей

### К ВОПРОСУ О ЗАХВАТНОМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

*Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта «Институт захватного землепользования на Востоке России: исторический и сравнительный анализ», 16-32-00029.*

Анализируются практики захватного землепользования в европейской части Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Ставится задача проследить, что понималось под «захватным землепользованием» в поздней имперской России и какие нарушения прав собственности на землю считались «захватом». На основании различных источников и литературы показывается, что захватное землепользование к концу XIX в. приобретает довольно широкое распространение в центральных областях империи и становится серьезной проблемой для царского правительства, оставаясь при этом отсутствующей «категорией» в российском праве.

**Ключевые слова:** землепользование; земельный захват; поземельные отношения; земельная собственность; межевое дело.

Вторая половина XIX – начало XX в. стали новой вехой в развитии поземельных отношений в Российской империи. Отмена крепостного права привела к существенному усложнению земельно-правовых отношений, выдвинув на юридическую арену империи российского крестьянина, готового бороться не только за пользование, но и обладание земельными богатствами. В стране, где подавляющее большинство населения составляли крестьяне, земля всегда имела особую ценность и звучание. Это был тот ресурс, в котором видели источник благосостояния и процветания, а потому использовали любую возможность для того, чтобы расширить свои земельные наделы, хотя бы и за счет соседней стороны.

Наличие практик захватного землепользования в поздней имперской России не раз фиксировалось исследователями [1–5]. При рассмотрении данного вопроса исследователи чаще всего обращались к территориям Дальнего Востока и Сибири, где во второй половине XIX – начале XX в. довольно широкое распространение получила заимочная форма ведения хозяйства [2, 3, 6–9]. Что же касается более общих вопросов о том, что понималось под захватным землепользованием в поздней имперской России и какие нарушения прав собственности на землю считались захватом, то они фактически остались за рамками академической литературы. Именно на устранение данного пробела и ориентирована настоящая статья.

**Особенности поземельных отношений в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.** К середине XIX столетия Российская империя оказалась одной из самых огромных по размерам территории стран на политической карте мира. Серия договоров с Китаем, заключенных в 1860–1880-е гг., сделала ее обладательницей внушительного земельного фонда, которому придавали большое значение и на

который возлагали серьезные надежды. В ту пору, когда многие западные страны вступали на путь индустриального развития, Россия продолжала оставаться преимущественно аграрной страной, где земля служила основным средством обеспечения населения, а сельское хозяйство выступало доминирующим сектором экономики.

Важнейшей особенностью поземельных отношений в России был их сословный характер: земля была главным богатством империи, а владение ею – привилегией. Российским законодательством строго ограничивался круг субъектов, которые имели право приобретения и владения землей. Долгое время эта прерогатива принадлежала исключительно выходцам из дворянского сословия. Самодержавие, отражавшее интересы и взгляды дворянства, всеми силами старалось сохранять и поддерживать незыблемость этого непреложного правила.

Между тем земельный фонд в поздней имперской России включал в себя далеко не только помещичьи владения. В зависимости от формы собственности земля в империи делилась преимущественно на земли государственные, частновладельческие, монастырские (церковные), кабинетские, удельные, майоратные, посессионные и общественные. Частновладельческие были представлены угодьями, находящимися в собственности отдельных лиц в основном дворянского происхождения. Что касается государственных, то они считались собственностью казны и включали в себя казенные земли, пустопорожные и дикие поля, леса, а также все те земли, на которые не предъявлялись права собственности. Значительные земельные угодья закреплялись за церквями и монастырями. Часть земель приписывалась к заводам и именовалась посессионными. Отдельным особняком стояли земли, предназначенные для содержания лиц императорской фамилии.

К ним относились кабинетские земли, находившиеся под непосредственным управлением кабинета его императорского величества. Наряду с ними императорской фамилии принадлежали и земли удельные, обеспечивавшие средствами существования тех родственников императора, которые утратили право на престолонаследие. Владения, пожалованные императором за службу, воплощали в себе майоратные имения, которые не могли дробиться и должны были быть переданы старшему из наследников. В качестве отдельной категории выделялись и земли общественные, приписываемые обычно городам, городским обществам, дворянским обществам и земским учреждениям.

Такое разнообразие форм земельной собственности объяснялось спецификой российского самодержавия, интересы которого обслуживались зачастую посредством земельных держаний. Земля служила не только главным источником дохода в империи, но и оставалась важнейшим средством обретения опоры и поддержки монархического строя. С другой стороны, такое «изобилие» земельных держаний делало неопределённой саму категорию собственности на землю и те права, которые оказывались в руках ее обладателя. В результате, несмотря на тот факт, что понятие земельной собственности появилось в российском праве еще в 1832 г. [10. С. 5–6], правовые нормы в отношении отдельных ее форм так и не получили серьезного развития в законодательстве империи.

На практике поземельные отношения в поздней имперской России регламентировались Сводом законов Российской империи, введенным в действие еще в 1835 г. Как особую часть гражданского и административного права разрозненные законодательные акты, касающиеся земельных держаний, уже в первом издании Свода законов старались свести в единый том, но отдельного земельного кодекса, подробно регламентировавшего все стороны российских поземельных отношений в Российской империи, так и не было создано [11. С. 6].

В системе имперских поземельных отношений наиболее уязвимым звеном оказывались российские крестьяне. Главные пользователи российских земель долгое время были совершенно лишены всякой возможности стать правообладателями земельного надела. Такое положение крайне тормозило развитие капиталистических отношений в России, что отлично понимали в верхах. Дать новый импульс развитию российской деревни и страны в целом должны были масштабные аграрные преобразования, подготовленные и инициированные правительством в 40–60-е гг. XIX в.

Правительственные преобразования российской деревни, однако, так и не принесли крестьянам желаемой земельной собственности, внося еще большую неразбериху в вопрос с земельными держаниями. Вопреки чаяниям дворянства частновладельческие крестьяне хоть и получили свободу вместе с наделом, который должны были выкупить в установленный срок, тем не менее

полноправными владельцами своих земель (вплоть до столыпинской аграрной реформы начала XX в.) так и не стали. Фактическое право собственности на землю получила крестьянская община, ставшая в большинстве российских губерний новым субъектом земельных правоотношений. И хотя к началу XX столетия, по оценкам местных комитетов по нуждам сельскохозяйственной промышленности, в непосредственном ведении крестьянских хозяйств находилось почти две трети всех культурных площадей европейской части России, а большая часть остальной земли числилась за ними в аренде [12. С. 1], право распоряжения собственным наделом российский крестьянин фактически не имел. Отдельный домохозяин на деле получал лишь право на обработку выделенного ему земельного участка, в то время как все вопросы юридического характера, связанные с землеустройством и землепользованием, были переданы в ведение общины. В результате, по меткому замечанию современника реформы П.Д. Дюшена, «ни один русский крестьянин-общинник в отдельности <...> действительный плательщик выкупных денег не получил никаких прочных прав на выкупаемую землю» (цит. по: [13. С. 123]).

Отсутствие у российского крестьянина фактических прав на землю усугубилось к концу XIX в. еще и общей проблемой аграрного перенаселения европейской части России. Демографический взрыв конца XIX в. привел к стремительному увеличению численности крестьянского населения и, вместе с тем, к серьезному сокращению среднедушевого надела в целом ряде российских губерний. По оценкам влиятельного экономиста рубежа XIX – начала XX в. А.А. Исаева, в черноземных губерниях империи на одну квадратную версту к концу XIX в. приходилось уже 45–60 человек, что было довольно много для нормального функционирования сельского хозяйства [14. С. 19–20]. Возросшая плотность населения к концу XIX столетия превратилась в довольно серьезную проблему. В наиболее густонаселенных губерниях она фактически сводила на нет площадь крестьянских наделов при семейных и общинных разделах. Существование же чересполосности, в основе которой лежал принцип уравнительного землепользования в общине, когда каждый крестьянин получал не один, а зачастую несколько небольших участков земли в соответствии с качеством почв, еще больше усугубляло обстановку, превращая крестьянские наделы фактически «в пыль». В целом ряде мест, по различным свидетельствам, в поколениях многосемейных дробление земли вообще приводило к невозможности вести хозяйство на тех «ничтожных клочках земли», что достались наследникам [12. С. 4].

Малоземелье, нередко усугублявшееся неравным распределением земель между общинниками, не только вызывало крупные недоразумения между крестьянами, но и приводило к общему росту недовольства царским правительством. Потребность крестьян в земле оказалась настолько серьезной, что сделала к концу XIX в.

аграрный вопрос одной из важнейших проблем российского самодержавия.

**Земельные захваты в европейской части России и практики их осуществления.** Малоземелье заставляло крестьян изыскивать различные возможности расширения своих обрабатываемых площадей. Самым простым способом расширить площадь собственной запашки было взятие частновладельческих земель в аренду. Между тем стоимость арендной платы за землю к концу XIX в. в черноземных губерниях несколько возросла, что, по мнению специалистов, не соответствовала сельскохозяйственной производительности труда и не оправдывала потраченных усилий и средств [14. С. 19–20]. В этих условиях крестьяне, не решавшиеся в поисках лучшей доли покинуть родину и переселиться в другие регионы, нередко пытались решить проблему собственного малоземелья на свой собственный манер – посредством незаконного присвоения чужой земельной собственности.

Поскольку свободной земли в европейской части России фактически не было, то речь в данном случае шла не об освоении пустующих государственных земель, а о незаконном использовании земельной собственности, принадлежавшей другим лицам. В результате главной «мишенью» незаконных захватов становились чаще всего соседние земельные участки.

На практике незаконный захват соседней земли обычно производился в течение длительного времени и начинался обычно скашиванием пограничной полосы, захватом при распашке соседней скибы (пласт земли, отваливаемый плугом при вспашке. – *Я.Г.*), рубкою хвороста, самовольной пастьбой скота и другими мелкими действиями, постепенно расширяясь и охватывая все более и более широкую полосу за счет отсутствующего или безмолвного соседа. Такие захваты, совершаемые год от года миниатюрными шапками, оказывались очевидными только с течением времени, когда сосед прирезал к своему участку значительную полосу пограничного владения.

Наиболее часто от захватов подобного рода страдали помещичьи владения. Обладая зачастую значительными земельными угодьями и лично не участвуя в обработке собственной земли, помещики чаще всего не были в состоянии вовремя заметить ежегодные мелкие запашки соседних крестьянских хозяйств. И чем больше было земель у помещика, тем труднее было уберечь их от захватов различного рода. Сдавая землю в аренду, их владельцы фактически передавали охрану границ собственных владений на откуп и добросовестность нанимателя, зачастую не особо заинтересованных в проявлении бдительности. В результате при отсутствии сколько-нибудь серьезного надзора крестьяне фактически не упускали возможности для того, чтобы расширить свои поля за счет соседних помещичьих владений. Даже наиболее бдительные помещики не могли застраховать свои владения от подобного рода захватов. Всякие попытки помещика, имеющие целью

оградить свои владения от их незаконного использования проведением канав или приглашением землемеров для разграничения крестьянских и помещичьих земель, нередко наталкивались на серьезное сопротивление крестьян. Так, в Волынской губернии, по сообщениям Волынского комитета по нуждам сельскохозяйственной промышленности, казенные землемеры вообще не решались выезжать на такие работы, поскольку они всегда влекли за собой серьезные беспорядки, волнения и самоуправство крестьян [15. С. 7].

Интересно, что проводившееся в конце XIX в. в 49 губерниях европейской России исследование местных комитетов по нуждам сельскохозяйственной промышленности пришло к выводу о том, что захватам помещичьей земли крестьянами во многом способствовало не только «смутное понятие среди крестьян о неприкосновенности чужой земельной собственности», но и незаконность их земельного устройства, развившая в крестьянах убеждение, что «разные виды права участия их в пользовании помещичьими угодьями представляют лишь переходную ступень к тому времени, когда вся помещичья земля перейдет в их владение» [Там же].

Незаконным захватам земли во многом способствовало и полное отсутствие четких, юридически установленных границ между отдельными владениями в империи. К концу XIX в. межи специального и генерального значения фактически утратили свою значимость, потеряв значительную долю того юридического значения, которое было им присвоено по закону. С течением времени большинство дач генерального межевания, принадлежавших когда-то одним владельцам, перешли в руки других, нередко более мелких собственников, в результате образовав вместо одной окружной межи несколько частных. Что же касается крестьянских наделных владений, то за 40 лет границы наделов, указанные мировыми посредниками при введении уставных грамот, совершенно утратили значение юридических меж, а составленные в 60-х гг. XIX в. чертежи и планы в большинстве случаев не отвечали самым элементарным правилам геодезии и не соответствовали реальным границам отдельных наделов [Там же. С. 4]. Такая неопределенность границ земельных держаний сама по себе уже породила огромное число самых различных недоразумений, споров и судебных процессов.

Проблема захватного землепользования в европейской части России оказалась к концу XIX в. настолько серьезной, что стала привлекать к себе внимание и царской администрации. В 1903 г. правительством было инициировано изучение данной проблемы по 49 губерниям европейской России. Проведенное исследование, имевшее целью сбор материалов относительно захватного землепользования в различных областях империи и выработку мер по борьбе с ним, показало, что земельные захваты в целом ряде губерний Российской империи стали явлением «совершенно обыденным»,

принимая «характер одного из средств к увеличению площади земельных владений» [15. С. 6]. При этом под «захватом» здесь явно понималась не только незаконная «запашка чужой земли», но также и всякое *самовольное пользование* чужими сенокосами («закосы»), пастбищами («потравы»), лесами («порубки») и другими земельными держаниями, принадлежащими другим лицам [Там же. С. 5].

Особое беспокойство администрации вызывал тот факт, что общее число преднамеренных захватов ширилось год от года, создавая массу проблем для собственников и совершенно не поддаваясь контролю со стороны правительства. Основную причину такого положения дел губернские комитеты по охране земельной собственности усматривали не только «в непреодолимом стремлении крестьянина к приобретению земли хотя бы и самым нелегальным путем», но и серьезных пробелах в законодательстве империи, не способствовавших защите земельной собственности от захватов различного рода.

**Земельные захваты и закон.** Захват чужой земельной собственности, превратившийся к концу XIX в. в серьезную проблему, на практике оказывался фактически отсутствующей «категорией» в российском праве. В Своде законов Российской империи термина «захват», активно применявшегося губернскими комитетами для описания случаев незаконного пользования чужой земельной собственностью, вообще не существовало. Вместо него в российском законодательстве использовался термин «завладение», под которым понимались самые различные правонарушения, связанные с присвоением как движимого, так и недвижимого имущества других лиц (см.: [16]). И при том эти области российского права оказывались весьма слабо разработанными. Это в полной мере касалось и вопроса о правонарушениях, связанных с использованием чужой земельной собственности.

Выдающийся ученый-юрист, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета И.Я. Фойницкий отмечал, что российскому закону вообще было «неизвестно общего понятия самовольного пользования как наказуемого деяния», а все разъяснения, дававшиеся на этот счет, носили довольно отвлекающий характер [17. С. 414–415]. В российском законе всегда фигурировали довольно размытые, а не конкретные формулировки – пользование «чужим имуществом», проступки «на чужих землях», в «чужих лугах», открывавшие широкий простор для самых различных толкований. Самовольное пользование чужим имуществом в виде общего правила в Российской империи вызывало лишь меры гражданской ответственности ввиду ничтожности степени преступления. Из этого правила исключались лишь правонарушения, особо прописанные в законе и носившие характер наказуемых деяний. Что же касается самовольной запашки чужой земли, то по российскому законодательству она не носила характер наказуемого деяния и

предусматривала лишь гражданскую ответственность [Там же. С. 423].

Подобная необеспеченность правовых отношений в плане пользования землей невольно приводила многих к убеждению, что в поземельных отношениях за отсутствием точно установленных юридических норм можно руководствоваться собственным усмотрением. Последнее обстоятельство открывало широкий простор для захватов и дало повод губернским комитетам по охране земельной собственности констатировать совершенную незащищенность земельной собственности в России от посягательств различного рода.

Безусловно, каждый владелец земельного участка имел возможность обратиться в судебные инстанции и восстановить границы нарушенного владения, однако доказать на практике свое право на землю и привлечь нарушителя к ответственности оказывалось делом довольно сложным и весьма затратным. Интересно, что добрая часть российских землевладельцев вообще не могла доказать своего законного права на владение землей. Документы на право собственности, карты и планы земельных участков были зачастую составлены настолько плохо, что фактически не отвечали своему основному предназначению. Обращая внимание на эту проблему, известный в империи специалист по землеустройству и межеванию И.Е. Герман не без основания называл российскую систему землеустройства крайне отсталой в юридическом плане. По его мнению, отсутствие в стране кадастра, недостоверность официальных и частных земельных планов делали фактически невозможным создание в России четкой системы регистрации земельных прав (см.: [4. С. 28]). Примечательно, что в империи было немало и таких «собственников», кто вообще никаких документов на право владения землей не имел. К последним относились фактически все собственники пригородных селений, приписываемые зачастую к мещанским обществам, но жившие на земле оседло и по своему образу жизни совершенно не отличавшиеся от крестьян. В доказательство своего права собственности большая их часть могла представить лишь свое фактическое владение, которому зачастую могло быть противопоставлено владение ответчика-захватчика [15. С. 17].

Небезынтересно, что такому фактическому владению землей исторически всегда придавали довольно большое значение в России. В стране, где долгое время дефицит свободных земель не ощущался вовсе, именно фактическое владение нередко служило основным доказательством прав собственности на землю. Именно так, явочным характером, в целом складывалось и помещичье землевладение в империи. Общая процедура Генерального межевания и закрепления прав собственности на землю, проведенная при Екатерине II, не потребовала от землевладельцев доказательств законности их владений, в результате чего помещики смогли в большинстве своем легализовать масштабные захваты казенных земель, совершенные ранее [4. С. 28].

В XIX в. фактическое владение хоть и утрачивало свои позиции, постепенно уступая место официальным документам, тем не менее все еще сохраняло свою значимость. Согласно российскому законодательству, иск о восстановлении нарушенного владения должен был быть предъявлен истцом до истечения 6 месяцев с момента захвата. Стоило захватчику успеть провладеть землей в течение этого срока, как он мог на основании своего «фактического владения» смело доказывать свое правообладание захваченным участком земли. На деле такая ситуация зачастую приводила к тому, что собственник, вовремя не успевший заметить захват своей территории, фактически утрачивал свое законное право на обработку принадлежащего ему участка земли. В результате российский закон парадоксальным образом оказывался на стороне пользователя, а не владельца земли, предоставив губернским комитетам по охране земельной собственности повод для совершенно справедливых сетований: «Наш закон смотрит на присвоение чужой движимой собственности как на воровство, на присвоение же земли в каком бы то ни было размере – как на гражданское правонарушение, и захватчик земли именуется уже не вором, а “фактическим владельцем”» [15. С. 6]. Российское самодержавие

отдавало приоритет на владение землей тому, кто ее обрабатывал, и по большому счету ему было не особенно важно, каким образом была получена эта земля.

Во второй половине XIX – начале XX в. для европейской части Российской империи захват земельной собственности оказался во многом явлением привычным и довольно обыденным. Поскольку свободной земли в центральных областях империи уже практически не было, то под захватом здесь понимался скорее «передел» уже существующих отношений собственности или самовольное пользование земельными богатствами, принадлежащими другим лицам. Возможными такие захваты делали как неопределенность прав собственности на землю, так и пробелы в законодательной базе империи, со всей очевидностью проявившиеся в конце XIX в. Парадоксальность ситуации, сложившейся в это время в России, заключалась в том, что поземельные отношения, перешедшие на новую стадию развития после 1861 г., оказались диссонансом по отношению к слабо разработанной системе российского земельного права, открыв широкий простор для различного рода злоупотреблений и остро поставив на повестку дня вопрос о земельной собственности.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Ландарь И.А. Аграрная политика государства в отношении казачества восточных окраин России на рубеже XIX–XX веков // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 2 (51). С. 195–199.
2. Польская Е.В. К вопросу о захватном землевладении на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Наука и образование в жизни современного общества : сб. науч. тр. Тамбов, 2012. С. 122–123.
3. Польская Е.В., Стасюкевич С.М. Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4, № 3. С. 91–101.
4. Христофоров И.А. От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема землеустройства // Российская история. 2011. № 4. С. 27–43.
5. Христофоров И.А. Между частным и казенным: крестьянская реформа в государственной деревне, либеральная доктрина и споры о собственности // Российская история. 2011. № 2. С. 93–109.
6. Белянин Д.Н. Предпосылки и характер индивидуализации крестьянского землевладения в Западной Сибири в начале XX в. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 1 (38). С. 120–126.
7. Гарбуз И.В. Земельные отношения в Забайкальской области во второй половине XIX в. // Гуманитарный вектор. 2011. № 3. С. 31–39.
8. Польская Е.В. Землевладение и землепользование казаков на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 2(28). С. 119–121.
9. Masoero Alberto Layers of property in the tsar's settlement colony: projects of land privatization in Siberia in the late nineteenth century // Central Asian Survey. 2010. Vol. 29, № 1. P. 9–32.
10. Езжева М.Н. Понятие права собственности на землю в российском законодательстве XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010. № 1. С. 5–9.
11. Илюшина Т.В. Особенности формирования земельного права в России // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2010. № 4. С. 3–8.
12. Крестьянское землепользование. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России / сост. А.А. Риттих. СПб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. 117 с.
13. Владимиров С.М. Особенности правового статуса сельской общины как субъекта земельного права в Российской империи в середине XIX – начале XX в. // Вестник Самарского юридического института. 2016. № 2 (20). С. 121–125.
14. Исаев А.А. Переселение в русском народном хозяйстве. СПб. : Изд. А.Ф. Цинзерлинга, 1891. 192 с.
15. Земельные захваты и межевое дело. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России / сост. С.И. Шидловский. СПб., 1904. 171 с.
16. Устав о судопроизводстве и взысканиях межевых // Свод законов Российской империи. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. Т. 10, Кн. 3. С. 151–222.
17. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательство на личность и имущество. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1893.

*Guzei Iana S.* Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: guzeiana@mail.ru

#### TO THE QUESTION OF SEIZURE OF LAND IN THE EUROPEAN PART OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES.

**Keywords:** using land; seizure of lands; land relations; land ownership; land surveying.

The article is devoted to analyzing practices of seizure of lands in the European part of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX centuries. The task is to analyze what was understood under the “seizure of lands” in late Imperial Russia, and what kind of violation of rights of ownership of land was regarded as a “seizure”. Based on the materials of the committees on development of the

agricultural industry and the works of experts about land relations in late Imperial Russia, the author emphasizes on the features of seizure and using land in the European part of the country. The author shows, that in the second half of XIX – early XX centuries illegal using of other people's land became common practice in the central part of the Russian Empire. Its main target was the neighboring area. In reality, the seizure was for quite a long time, gradually expanding and covering much wider strip of neighboring land. These miniature seizures became obvious only over time, when the neighbor attached considerable strip of the adjacent land to his own land. Landlords suffered from such kind of actions. They were not working on their own land, they were not able to notice the small seizure of neighboring farms. By the end of the nineteenth century, this problem was so serious that began to attract the attention of the Royal administration, which initiated in 1903 the research of this problem in 49 provinces of the European Russia. Meanwhile, a seizure of lands was virtually an absent “category” in Russian law. Until the fall of the Empire in 1917 the term “seizure” did not appear in the Russian legislation. Plowing other people's land was mentioned in the article about the unauthorized use someone else's land property and there were not punishment for these actions on Russian law. In addition, in Russia the “actual” possession of the land was more significant, than the legal possession of the land. Those who managed illegally use the lands belonged to other people for 6 months or more could claim their rights on treated areas. As a result, the concept of land ownership was the uncertain category in the Empire. Based on the conducted research the author came to the conclusion that land ownership was not protected from various kinds of the seizure, which in the European part of Russia were regarded as unauthorized using of the land resources belonging to others. Such seizures were feasible because of the uncertainty of the rights of land ownership and deficiency of law of the Empire, clearly manifested in the late XIX century.

## REFERENCES

1. Landar, I.A. (2010) Agrarnaya politika gosudarstva v otnoshenii kazachestva vostochnykh okrain Rossii na rubezhe XIX – XX vekov [The state agrarian policy towards the Cossacks in the eastern border regions of Russia at the turn of the 20th century]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2(51). pp. 195–199.
2. Polskaya, E.V. (2012) [On the issue of land-grabbing tenure in the Far East in the late 19th – early 20th centuries]. *Nauka i obrazovanie v zhizni sovremennogo obshchestva* [Science and Education in Modern Society]. Proc. of the International Conference. Tambov: Biznes-Nauka-Obshchestvo. pp. 122–123. (In Russian).
3. Polskaya, E.V. & Stasyukevich, S.M. (2012) Private land ownership in the Russian Far East in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University* ty. 4(3). pp. 91–101. (In Russian).
4. Khristoforov, I.A. (2011) Ot Speranskogo do Stolypina: krest'yanskaya reforma i problema zemleustroystva [From Speranskii to Stolypin: The Peasant Reform and the problem of land]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 27–43.
5. Khristoforov, I.A. (2011) Mezhdru chastnym i kazennym: krest'yanskaya reforma v gosudarstvennoy derevne, liberal'naya doktrina i spory o sobstvennosti [Between private and state-owned: The Peasant Reform in the state village, liberal doctrine and property disputes]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 93–109.
6. Belyanin, D.N. (2005) Predposylki i kharakter individualizatsii krest'yanskogo zemlevladieniya v Zapadnoy Sibiri v nachale XX v. [The background and nature of the individualisation of peasant land tenure in Western Siberia in the early 20th century]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Vestnik of Kuzbass State Technical University*. 1(38). pp. 120–126.
7. Garbuz, I.V. (2011) Land Relations in Transbaikalian Region in the Second Half of the 19th century. *Gumanitarnyy vector – Humanitarian Vector*. 3. pp. 31–39. (In Russian).
8. Polskaya, E.V. (2014) Zemlevladienie i zemlepol'zovanie kazakov na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX- nachale XX vv. [Land tenure and use by the Far East Cossacks in the late 19th – early 20th century]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(28). pp. 119–121.
9. Masoero, A. (2010) Layers of property in the tsar's settlement colony: projects of land privatisation in Siberia in the late 19th century. *Central Asian Survey*. 29(1). pp. 9–32. DOI: 10.1080/02634931003765498
10. Ezzheva, M.N. (2010) Ponyatie prava sobstvennosti na zemlyu v rossiyskom zakonodatel'stve XIX v. [The concept of land tenure in the Russian 19th-century legislation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov – RUDN Journal*. 1. pp. 5–9.
11. Ilyushina, T.V. (2010) Osobennosti formirovaniya zemel'nogo prava v Rossii [Land law formation in Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Geodeziya i aerofotos"emka – Izvestiya Vuzov. Geodesy and aerophotography*. 4. pp. 3–8.
12. Rittikh, A.A. (ed.) (1903) *Krest'yanskoe zemlepol'zovanie. Osoboe soveshchanie o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. Svod trudov mestnykh komitetov po 49 guberniyam evropeyskoy Rossii* [The peasant land. A special meeting devoted to the agricultural industry needs. The works by local committees on 49 provinces of European Russia]. St. Petersburg: V.F. Kirshbaum.
13. Vladimirov, S.M. (2016) Osobennosti pravovogo statusa sel'skoy obshchiny kak sub"ekta zemel'nogo prava v Rossiyskoy imperii v seredine XIX-nachale XX v. [The legal status of rural communities as the subject of land law in the Russian Empire in the mid-19th – early 20th centuries]. *Vestnik samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2(20). pp. 121–125.
14. Isaev, A.A. (1891) *Pereselenie v russkom narodnom khozyaystve* [Resettlement in the Russian economy]. St. Petersburg: A.F. Tsinzerling.
15. Shidlovskiy, S.I. (1904) *Zemel'nye zakhvaty i mezhevoe delo. Osoboe soveshchanie o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. Svod trudov mestnykh komitetov po 49 guberniyam evropeyskoy Rossii* [Land grabbing and land surveying. A special meeting devoted to the agricultural industry needs. The works by local committees on 49 provinces of European Russia]. St. Petersburg: [s.n.].
16. Russia. (1857) *Ustav o sudoproizvodstve i vzyskaniyakh mezhevykh* [The Charter of the legal proceedings and survey penalties]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 10(3). St. Petersburg: Second Branch of His Imperial Majesty's Office. pp. 151–222.
17. Foynitskiy, I.Ya. (1893) *Kurs ugolovnoy prava. Chast' osobennaya. Posyagatel'stvo na lichnost' i imushchestvo* [Criminal Law. Special Part. Offence against person and property]. St. Petersburg: Stasyulevich.